

ВЛИЯНИЕ ЕВРОИНТЕГРАЦИИ НА СОЦИАЛЬНУЮ РАБОТУ С ЖЕНЩИНАМИ В ТУРЦИИ

Кескин О.

магістрант

факультет соціології та права НТУУ «КПІ»

В статі розглядаються перспективи вступу Туреччини в ЄС враховуючи стратегічні, політичні, економічні та культурно-цивілізаційні аспекти. Аналізується взаємозв'язок процесу євроінтеграції Туреччини з розвитком статусу, прав та свобод жінки Туреччини на сучасному етапі, вплив цього процесу на розвиток соціальної роботи с жінками в Туреччині. Розглядається динаміка культурної спадкоємності в осмисленні статусу і ролі турецької жінки в сім'ї та суспільстві.

В статье рассматриваются перспективы вступления Турции в ЕС учитывая стратегические, политические, экономические и культурно-цивилизационные аспекты. Анализируется взаимосвязь процесса евроинтеграции Турции с развитием статуса, прав и свобод женщин Турции на современном этапе, влияние этого процесса на развитие социальной работы с женщинами в Турции. Рассматривается динамика культурной преемственности в осмыслении статуса и роли турецкой женщины в семье и в обществе.

The article discusses the prospects of Turkey's EU membership given the strategic, political, economic, cultural and civilizational aspects. Explores the relationship between Turkey and the European integration process development, the rights and freedoms of women in Turkey at this stage, its impact on the development of social work with women in Turkey. The dynamics of cultural continuity in understanding the status and role of Turkish women in the family and in society.

Ключевые слова: евроинтеграция, стратегические, политические, экономические и культурно-цивилизационные аспекты вступления Турции в ЕС, статус, права и свободы женщин Турции на современном этапе, социальная работа с женщинами Турции в контексте евроинтеграции.

Постановка научной проблемы. В последние десятилетия в мире наблюдается сложное и нередко противоречивое взаимодействие интеграционных процессов в экономике и политике и культурно-цивилизационного многообразия мира. Все более активное проявление исламского фактора, заявляющего о себе в общественно-политической жизни, экономике и внешней политике ряда стран, еще более актуализирует эту проблематику, вызывая неоднозначные суждения и оживленную дискуссию.

Турецкая Республика, значительное большинство населения которой составляют мусульмане, является по-своему уникальной страной в том смысле, что одновременно принадлежит исламской цивилизации, имеет светскую европейскую модель государственного устройства, является членом Североатлантического альянса и уже более сорока лет идет по пути присоединения к ЕС. Эта страна накопила уникальный исторический опыт взаимовлияния мусульманской идентичности и европейских ориентиров развития, сочетания секулярной и религиозной традиций, взаимодействия демократии и политического ислама.

Перспективы европейской интеграции Турции нужно оценивать, исходя из объективного понимания того, что представляет собой Европейский Союз на сегодняшний день. ЕС – это объединение, которое достигло наивысшего уровня интеграции за историю человечества, демонстрирует значительный потенциал развития и стало естественным воплощением европейской идеи. На современном этапе ЕС находится в кризисном состоянии, что в первую очередь связано с трудностями в сочетании нерушимого принципа национального суверенитета с наднациональным элементом интеграции. Но, невзирая на это, Европейский Союз был и остается привлекательной формой межгосударственного и, в целом, транснационального взаимодействия, что и выступает главным лейтмотивом его расширения.

Актуальность данной статьи связана с тем, что для Турции вступление в ЕС является приоритетом внешней политики, равно как и для ЕС расширение находится на повестке дня. Предлагается достаточно условное деление аргументов, которые наиболее распространены в европейском политическом дискурсе, „за” и „против” вступления на *стратегические, политические, экономические и культурно-цивилизационные аргументы*. Анализируются последствия интеграции непосредственно для Турции. Важным для выработки стратегии расширения и, в частности, для принятия Турции в ЕС является концепция его развития, сложность разработки которой проявляется в дебатах о том, где находятся „границы” Европы, что является миссией Европейского Союза. Сегодня мы наблюдаем отсутствие единства внутри сообщества, вызванное в первую очередь отсутствием единого четкого представления о том, какие именно задания стоят перед Союзом, невыразительностью так называемой европейской идентичности. До сих пор до конца неясно, являются эти кризисные явления лишь временным и закономерным проявлением определенной конвергенции интересов разных стран в единое русло,

или это несостоятельность выработать единую философию развития, в том числе и по вопросам защиты прав и интересов женщин современной Турции.

Степень разработанности темы исследования. Проблема эффективности социальной работы с женщинами в Турции в контексте евроинтеграции не рассматривалась как отдельная научная проблема. Существуют отдельные исследования таких направлений как проблемы евроинтеграции Турции, например материалы монографии «Турция между Европой и Азией. Итоги европеизации на исходе XX века», подготовленной коллективом авторов под редакцией доктора исторических наук Н.Г.Киреева. Важнейшие, фундаментальные изменения в экономике, политике, идеологии турецкого государства к исходу XX в. рассматриваются в этой работе как итоги европеизации, провозглашенной кемалистской властью после победы в национально-освободительной борьбе. Большой вклад в развитие османистики внесли работы турецких ученых: Кемаля Карпата, Шерифа Мардина, Ниязи Беркеса, Тарика З.Туная, Селима Дерингиля. Труды этих авторов позволили существенно расширить представления о модернизационных процессах в мусульманских странах, в частности в Турции, представив развитие османского и иных восточных обществ во всей полноте политических, социальных и экономических аспектов.

Следует отметить также работу Кемаля Киридджи «Между Европой и Средним Востоком: преобразование турецкой политики», автор которой исходит из того, что турецкая демократия представляет собой альтернативную модель [1].

Процессы модернизации в современной Турции рассматриваются в работе Натали Тоцци «Европеизация в Турции: стартовый механизм или якорь реформ?» [2].

Необходимой теоретической основой явились также работы ученых, занимающихся проблемами европейской интеграции. Особое место здесь занимают исследования В. Г. Шемятенкова «Европейская интеграция» [3] и работа, написанная коллективом авторов «Европейский Союз на пороге XXI века: выбор стратегии развития» [4].

Отношениям Турции и ЕС посвящен значительный пласт научных работ российских исследователей, среди которых можно отметить монографию В.В. Кунакова «Турция и ЕС: проблемы экономической интеграции» [5]. Однако в них освещены преимущественно экономические, а не политические и культурно-цивилизационные аспекты интеграции Турции в Европейский Союз. Развитие отношений между Турецкой Республикой и ЕС рассмотрено в монографии Б. М. Шохверии «Внешняя политика Турции в 60-х-начале 80-х годов XX в.» [6].

Вместе с тем проблема взаимосвязи между исламским фактором и процессом интеграции Турции в Евросоюз пока рассмотрена в политологической и востоковедной литературе очевидно недостаточно нередко лишь в своих отдельных аспектах. Среди имеющихся работ следует отметить статьи А.Р.Башировой, Г. М. Зиганшиной, Ж.Мансуровой, Б.М. Поцхверии, Г.И. Старченкова, Е.В. Загорновой, В.И. Данилова, Н.Г.Киреева, Ю.С.Кудряшовой и др.

Особенно большое значение для выявления динамики культурной преемственности в философском осмыслении статуса и роли турецкой женщины в семье и в обществе имел капитальный труд «История османского государства, общества и цивилизации», вышедший под редакцией Экмеледдина Ихсаноглу, одного из авторитетнейших турецких историков. Эта двухтомная работа издавалась Исследовательским центром исламской истории, искусства и культуры; первый том увидел свет в 2001 г., второй – в 2002 г. Оба тома были переведены на русский язык и опубликованы в 2006 г.

Интересным, для темы нашей статьи было исследование Мустафы Кютюкчу «Ислам и женщина в современной Турции» (опыт философско-культурологического анализа) [7], в котором автор анализирует проблему актуальную как для современной Турции, так и для многих государств исповедующих ислам, где продолжаются бурные дебаты, в ходе которых взгляд на статус, права и обязанности женщины предстает в качестве своеобразного водораздела между позициями светских и религиозных кругов.

Целью статьи является анализ влияния процесса евроинтеграции Турции на содержание и формы социальной работы с женщинами.

Основные задачи статьи, вытекающие из указанной цели, состоят в следующем:

- исследовать особенности процесса евроинтеграции Турции;
- выявить стратегические, политические, экономические и культурно-цивилизационные перспективы вступления Турецкой республики в Европейский Союз;
- проанализировать развитие так статуса, прав и свобод современных турецких женщин;
- исследовать влияние процесса евроинтеграции Турции на социальную работу с женщинами.

Объектом исследования является статус, права и свободы женщинам в Турции на современном этапе.

Предметом исследования является процесс евроинтеграции Турции и его влияние на социальную работу с турецкими женщинами на современном этапе.

Основное содержание статьи

Понимание того, почему в настоящее время вопрос статуса, прав и обязанностей женщины актуализируется в Турции, равно как и в других государствах с исповедующим ислам населением,

неотделимо от учета нескольких основных факторов. Первый состоит в том, что функционирование семьи как базовой ячейки воспроизводства духовно-этических ценностей мусульманского жизнеустройства, традиционно связано со священным для всех мусульман именем пророка Мухаммада, с ниспосланным ему Откровением, которое запечатлено Кораном. Второй фактор заключается в том, что по мере формирования различных правовых школ в исламе рядом с этими универсальными в своей основе гуманитарными ценностями выстраивался комплекс норм, преломлявших собой жизненные условия средневековой эпохи с ее сословной иерархичностью, множеством иных социальных, в том числе тендерных градаций. Именно к средневековому напластованию в мусульманском праве (фиюсе) восходили традиции сегрегации полов, а также традиции домашнего затворничества женщин и полигамии, культивировавшиеся по преимуществу в высших слоях мусульманского общества.

В том виде, в каком это было определено мусульманским правом, институт мусульманской семьи пережил период средневековья, вошел в эпоху Нового и Новейшего времени. Даже там, где под влиянием жизненных условий традиционно-патриархальная семья уступает место современной моногамной семье, среди исламских ценностных ориентаций «верность семье и ее традициям» при любых обстоятельствах считается приоритетом, место в системе семейно-родственных отношений определяет общественный статус человека.

Расстановка сил в происламских кругах современной Турции характеризуется тем, что, с конца 80-х – начала 90-х годов XX столетия от консервативно настроенных сторонников регулирования статуса мусульманки по нормативам фикха все заметнее отмежевывались видные богословы и мусульманские мыслители, выступавшие за пересмотр норм, имевших дискриминационный характер в отношении женщины. Такое отмежевание сопровождается формированием религиозно-политического течения, представителем которого из числа видных мусульманских мыслителей и богословов свойственно духовно-ценностное осмысление онтологических проблем современного человека применительно к перспективе демократизации общественно-политического устройства страны.

На повестку дня соответственно встал вопрос о «реформе человеческого бытия», о формировании личности, способной успешно включиться в орбиту современной жизни, овладев ее интеллектуально-культурными достижениями, а также профессиональными и трудовыми навыками, необходимыми для успеха в условиях рыночной экономики. При этом оговаривалась необходимость наделения женщины такими правами, обладая которыми она смогла бы являться не только хранительницей домашнего очага, но также достойным участником политического процесса и воспитательницей подрастающего поколения в духе требований современности.

Осознавая громадную сложность предстоящего решения многих внутри- и внешнеполитических задач, современные теоретики исламского решения «женского вопроса» выступили за совместные действия всех сторонников демократического развития Турции независимо от их мировоззренческих позиций и отношения к религии [7].

Обозначившиеся в современной Турции новые подходы к «женскому вопросу» не выпадают из поля зрения западной, а также восточной общественности не только в связи с активизирующимися во всем мире выступлениями в защиту прав женщин в системе прав человека. Неоднозначные тенденции развития турецкого женского движения привлекают к себе внимание по причине кризисного состояния американского и западноевропейского феминизма, точнее, того его направления, в рамках которого отстаивание прав женщин принимало форму тотального противостояния «господству мужчин», равно как и того, где за основу брался принцип тотального гендерного (социополового) равноправия вне учета физиологических, психических, иных объективно-природных особенностей женского и мужского организма, вне учета локальных традиций регулирования семейных и тендерных отношений [7].

Воздействие ислама на положение женщин в современной Турции вызывает определенный интерес со стороны правящих кругов отдельных государств Западной Европы и не в последнюю очередь это связано с тем, что Турция последние несколько десятков лет стремится стать членом Европейского Союза, где права и свободы женщины не только декларируются, а и четко защищаются законодательством европейских стран.

К сожалению нужно признать, что вплоть до последних десятилетий XX в. в реальном положении турецких женщин мало что менялось. Но в конце 40-х – начале 80-х гг. внутривнутриполитическая и религиозная ситуация в стране складывалась таким образом, что правящие круги постепенно стали отходить от прежнего жесткого лаицистского курса, занимая в отношении ислама компромиссную позицию.

В этот период продолжалось развитие светского женского образования при одновременном налаживании государственной системы преподавания религиозных дисциплин, постепенно продвигалось дело согласования норм национального законодательства с международно-правовыми стандартами обеспечения и защиты прав женщин в системе прав человека.

Возрастающее воздействие на интеллектуальную жизнь и социально-психологическую атмосферу в стране оказывало творчество тех писателей, в поле зрения которых

попадали онтологические проявления расхождения между формально-юридическим статусом и фактическим положением основной массы турчанок, которое не могло и не может считаться удовлетворительным. Ведь именно на нем, в первую очередь, отражаются трудности и сложности экономического развития, связанные с безработицей, разрастанием аграрного перенаселения, миграцией безземельного крестьянства в города и т.п. Реальному улучшению положения основной массы турецких женщин препятствуют неграмотность многих из них, ранние браки, дискриминация при трудоустройстве и оплате труда.

Примечательным событием в развитии турецкой мусульманской мысли конца XX – начала XXI вв. явилось стремление ряда ее видных представителей расширить объем прав женщины посредством признания ее права на личностную автономность. Этой цели служило обращение ведущих турецких мыслителей к культурному достоянию страны. Из него извлекались сведения о доисламской культуре семейных отношений у древних тюрков. Воскрешались идеальные образы «великих женщин ислама», прославившихся своим участием в становлении исламской цивилизации. Приводились доказательства разносторонней и весьма эффективной деятельности как знатных, так и незнатных женщин Османской империи и т.д. Взятые вместе, эти примеры способствовали утверждению в общественном сознании идеи равенства мужчин и женщин перед законом, побуждали общество к признанию исторически значимой роли турецких женщин, вдохновляли самих турчанок на отстаивание своего человеческого достоинства и прав. Кроме того, наметилась тенденция соотнесения исламского подхода к правам человека с разработкой проблемы совместимости духовно-ценностных установлений ислама и перспективы демократизации государственного и общественного устройства страны.

Все это происходило и происходит в атмосфере не прекращающихся до настоящего времени в Турции споров относительно границ, разделяющих религию, политику и государство. Не остаются безразличными к этим спорам отдельные женские объединения как светской, так и происламской ориентации.

Обращению к исламу, его духовно-нравственным и эстетическим ценностям нередко сопутствует стремление ряда женщин отстоять мусульманскую идентичность. Они стремятся не забывать о своем природном предназначении, быть хранительницами семейного очага, верными женами и матерями, достойно воспитывающих своих детей. Вместе с тем они выступают за право на образование современного типа, не оставляя надежды на реализацию своего трудового, интеллектуального, наконец, творческого потенциала.

О том, что такие надежды небезосновательны, говорят успехи, достигнутые турчанками в развитии современной культуры и искусства. Многие турецкие писательницы – обладательницы различных ежегодных литературных премий.

Неоценим вклад ряда турецких женщин в современное турецкое искусство. Они овладевают высочайшими достижениями классической музыки, современной живописи, авангардной архитектуры и интеллектуального кинематографа.

Имелась определенная взаимозависимость между той ролью, которую передовые турецкие государственные деятели, представители философско-общественной мысли, а также литераторы и журналисты играли в возникновении и развитии женского движения, и тем, что его участницы расширяли круг своих интересов и забот, подключаясь к борьбе за конституционализм, выступая в защиту национального предпринимателя и т.д.

Приобщение турецких женщин к общественно-политической активности характеризовалось рядом особенностей: оно обосновывалось ссылкой на исторические примеры, связанные с исламом; женская вовлеченность в решение ряда социальных проблем жизни начиналась с благотворительности, традиционно высоко ценимой по шкале мусульманских добродетелей. Серьезная заявка на участие в политическом процессе была сделана турецкими женщинами в судьбоносные для страны годы подъема национально-освободительной борьбы против иностранных интервентов, которая в народном восприятии представляла в качестве джихада.

Несомненные достижения республиканских властей в улучшении правового положения турчанки соседствовали с крупным просчетом: приступив к регулированию семейно-брачных отношений по светскому (швейцарскому) образцу, они придали юридическую значимость свойственной данному образцу тендерной (социополовой) асимметрии, так что статус мужа главы семьи закреплялся за мужчиной. В турецких условиях подобная асимметрия обернулась фактическим поддержанием действенности норм мусульманского права относительно мужского доминирования в структуре семейно-родственных отношений.

Создание единой национальной и светской системы образования не избавило кемалистов от ряда неудач, связанных со значительным отставанием образовательного уровня основной массы турецких женщин от соотечественников – мужчин, а также сельского населения от городского.

Актуализация проблемы положения турецких женщин со второй половины XX в. находилась в прямой связи с социально-экономическими условиями постепенного вхождения страны в ряды «новых индустриальных государств», а также с внутривнутриполитическими переменами, которые сопровождалась отступлением правящих кругов от прежнего жесткого лаицистского курса.

В этот период был продолжен курс Ататюрка на развитие светского женского образования при одновременном налаживании системы преподавания религиозных дисциплин. Благодаря соотношению национального (государственного) законодательства с соответствующими международно-правовыми (европейскими) стандартами, была усилена конституционно-правовая защита прав женщин. Однако, сохранялся разрыв между юридическим закреплением прав турецких женщин и степенью их реализации в сфере народного образования, труда и предпринимательства, в области принятия политических решений, в том числе на уровне государственного и муниципального управления.

Наметившееся оживление женского движения сопровождалось к сожалению тем, что его участницы не смогли достичь сколь-нибудь устойчивой консолидации своих усилий, в то время как в Турции остается еще много нерешенных проблем, касающихся положения женщин и требующих своего решения.

Концептуально важным являлось соотношение исламского подхода к правам человека, включая права женщины, с разработкой вопроса о совместимости духовно-ценностных установлений ислама и перспективы демократического развития страны, которое связывают в том числе и с процессом евроинтеграции.

Диалог между Турцией и ЕС ведется уже 50 лет, у нее большой опыт построения демократического государства [8]. Так, история взаимоотношений Турции с ЕС восходит еще в начальный этап существования Европейского Сообщества. Турция проявила желание стать членом Европейского экономического содружества еще в 1959 году, когда 20 сентября она подала первую заявку на вступление в качестве ассоциированного члена. Это стремление реализовалось 12 сентября 1963 года. Вторую заявку на вступление в ЕС Турция подала 14 апреля 1987 года, причем 18 декабря 1989 года Европейская комиссия признала за ней право на принятие, но отложила рассмотрение заявки. Значительным достижением во взаимоотношениях Турция – ЕС стало вступление в силу таможенного союза 1 января 1996 года. Однако, непоследовательную позицию ЕС относительно Турции демонстрирует тот факт, что уже на Люксембургском саммите 13 декабря 1997 года Турции отказали в предоставлении статуса кандидата на вступление в ЕС, что вызвало ее бурный протест, а 10 декабря 1999 года на Хельсинском саммите в конечном итоге за ней этот статус признали. Сотрудничество Турция – ЕС уже давно приобрело структурированный всесторонний характер. Вопрос Турции является камнем преткновения различных европейских политических сил, проблемой, поляризующей общество. Сегодня в европейском политическом дискурсе звучат разные “pro et contra” относительно последующего расширения Союза. Среди аргументов на пользу и против принятия Турции в ЕС можно выделить *стратегические, политические, экономические и культурные*.

Стратегический аргумент включает проблему как hard security (т.е. военной безопасности), так и soft security (энергетической, экономической, экологической и других видов безопасности). Очевидно, что современный мир переживает турбулентный период, связанный с появлением качественно новых угроз безопасности. С этой точки зрения важным аргументом „за” принятие Турции в ЕС выступает их стратегическая роль, связанная с ее географическим расположением.

Турция занимает стратегически важную позицию между Балканами, Ближним Востоком, Кавказом и Центральной Азией. И она всегда была юго-восточным оплотом системы западноевропейской безопасности против фундаменталистской и советской угроз. Сторонники последующего расширения утверждают, что, учитывая стратегическое расположение и военную инфраструктуру Турции, ЕС мог бы значительно выиграть от ее вступления, ведь это дало бы возможность наполнить европейскую внешнюю политику и безопасность новым содержанием – более оперативно реагировать на кризисы и предупреждать их, разворачивать войска и т.д. Очевидно, что со вступлением Турции в ЕС последний получит шанс закрепиться на мировой арене в качестве ключевого международного актера [9, 36].

Политические аргументы состоят в том, что одной из основных привлекательных черт Европейского Союза для стран-претендентов на вступление является высокое политическое развитие, которое базируется на таких фундаментальных ценностях как демократия, верховенство закона и права человека. Вступление этих стран в единое европейское пространство предоставит им возможности воспользоваться демократическим окружением, обеспечит демократичность их политических систем.

Прогресс, достигнутый в этой сфере, также разный у обеих странах. Турция практически шагами продемонстрировала политическую волю выполнить необходимые реформы для соответствия Копенгагенским политическим критериям. Так, в 2001 году были внесены поправки в конституцию, которые включали положения о защите свободы мысли, запрещении пыток, половом равенстве и т.д. Была запрещена смертная казнь (в 2004 году включая и за преступления, осуществленные во время войны), расширены права меньшинств, пересмотрен криминальный кодекс и др. Турция значительно продвинулась в гармонизации своего законодательства с европейским *acquis communautaire*.

В то же время оппоненты вступления отмечают недостаточность и половинчатость демократических преобразований. В данном случае важным фактором, который препятствует восприятию Турции как европейской страны, является, конечно, ее исламская составляющая и базирование ее политической системы на „политическом исламе”, что отличает ее от светских европейских политических систем. Победа на выборах в ноябре 2002 года Партии Справедливости и Развития (АКР), идеология которой базируется на исламе, лишь усилила европейские фобии относительно Турции. Продолжают раздаваться обвинения в адрес турецкого правительства в осуществлении давления на свободную прессу, игнорировании прав национальных и религиозных меньшинств.

Политические аргументы взаимодействия Турции с ЕС. Вслед за рассмотрением заявки Турции 1959 года между Турцией и Европейским экономическим сообществом 12 сентября 1963 года было подписано Анкарское соглашение, согласно которому Турция становилась ассоциированным членом ЕЭС. Соглашение предусматривало создание таможенного союза между ЕЭС и Турцией в три этапа, что приведет к полному членству последней. 20 июля 1970 года между Турцией и Европейскими сообществами было подписано соглашение, которое предусматривало возможность полного членства Турции. Важным инструментом взаимодействия Турции и ЕС на современном этапе является таможенный союз, который вступил в силу 1 января 1996 года.

Экономические аргументы „за” и „против”. Основными преимуществами, ради которых эти страны стремятся в ЕС, являются социальная безопасность, стабильное экономическое развитие, получения дивидендов от экономики масштабов, специализации и лучшего распределения ресурсов. Европейская интеграция – это путь модернизации экономики, повышения уровня жизни, привлечения передовых технологий и т.д. Для стран, которым недостает эффективно действующих институтов, вступление в ЕС (и в валютный союз) может помочь контролировать инфляцию, создать стабильный рынок капитала, свободно получать инвестиции, технологии и др.

Главными требованиями к странам-кандидатам на вступление в ЕС являются, согласно Копенгагенским экономическим критериям, функционирующая рыночная экономика и способность конкурировать и выдерживать давление рыночных сил на рынке ЕС. Турция имеет все правовые и институциональные основы рыночной экономики. После создания таможенного союза она упразднила все таможенные сборы для европейских стран на промышленные и обработанные сельскохозяйственные продукты, ввела общий таможенный тариф, приняла общую конкурентную и торговую политику ЕС, подписала соглашения о свободной торговле со странами, которые имеют подобные соглашения с ЕС, и т.д. То есть, в целом, невзирая на определенные проблемы, такие как отсутствие макроэкономической стабильности, хроническая инфляция, Турции удалось удовлетворить экономические критерии на вступление в ЕС, и значительный уровень интегрированности и даже комплиментарности турецкой экономики с европейской является наилучшим свидетельством прогресса, достигнутом в экономической сфере. А в случае вступления Турции в ЕС, возможности экономической интеграции могут быть использованы еще более полно [10, 61].

Культурно-цивилизационные аргументы. В современном мире, характеризующимся процессами глобализации под лозунгами модернизации и вестернизации, наблюдается также обратный процесс всплеска национального сознания, „возвращение к своим корням”. И очень часто какие-либо интеграционные проекты, а особенно Европейский Союз с его беспрецедентным интеграционным уровнем, воспринимается многими людьми как цивилизационный проект, склонный к культурной гомогенизации, как таковой, что разрушает национальную и религиозную идентичность.

Поэтому очень важным является осознание того, что участие в этом интеграционном проекте, напротив, может помочь полнее выразить свою культурную самобытность и сберечь свою национальную идентичность, создать действительно мультикультурное общество, которое сможет нивелировать напряжение и агрессию, направленную на людей из других групп.

Думается, что, невзирая на светский характер европейского интеграционного проекта, религия все же играет решающую роль на уровне массового сознания. И поэтому случай Турции сложен еще и своим религиозным наполнением. Добрым знаком является то, что из проекта Конституции ЕС исключили какое-либо напоминание о христианстве как основе европейской идентичности. Сам принцип „единство в многообразии” предусматривает создание культурно-цивилизационного пространства не на основах униформизма, а взаимобогащения и взаимообогащения культур.

Выводы. В сложный период, когда тезис о „столкновение цивилизаций” очень часто находит свое практическое воплощение, такое мусульманское государство как Турция, открыто осуждающее фундаменталистский экстремизм и не выступающее против самого существования западнцентристской международной системы, может расцениваться Европейским Союзом как надежный партнер в деле налаживания межкультурного диалога [11, 6]. Поэтому, отмечает турецкое руководство, Турция может привнести в европейский интеграционный проект уникальный исторический опыт, служа моделью для других [12, 9].

С другой стороны, на тезис о том, что Турция может выступить как посредник при диалоге разных культур, как бастион против исламского фундаментализма, находится свой антитезис, что это будет больше напоминать „теорию о волке внутри стада, который обязан защищать овец от стаи” [13, 292]. Якобы все те общие для европейцев ценности в действительности не присущи туркам, не укоренились в их сознании, а является лишь надстройкой над исламским базисом. И это отражается в первую очередь в отношении к так называемому «женскому вопросу».

Со времени своего образования в качестве суверенного государства после развала Османской империи Республика Турция держит первенство среди иных стран мусульманского Востока по постепенному повышению семейного и социального статуса женщины, способствующему созданию моногамной семьи современного типа, которая основана на равноправии супругов. В этом была и есть несомненная заслуга не одного поколения представителей турецкой философской и мусульманской мысли. Общими усилиями они поэтапно продвигались от теоретической постановки вопроса о выведении турчанки из приниженного положения в семье, а затем и в обществе, к определению основных направлений решения данного вопроса применительно к меняющимся жизненным условиям в стране и за ее пределами.

На исходе первого десятилетия XX в. философское осмысление проблематики, касающейся положения турецких женщин в Османской империи, вступило в новую фазу своего развития. Этому во многом способствовал Зия Гёкальп. Он выдвинул и обосновал требование уравнивания женщины и мужчины в правах перед законом; четко определил комплекс социокультурных мер и политических преобразований, необходимых для установления такого равноправия.

Как и Намык Кемаль, Зия Гёкальп придавал большое значение сочетанию опоры на культурные достижения Европы с поиском в исламе тех элементов, которые способны служить прогрессу турецкого мусульманского сообщества, в том числе в решении «женского вопроса».

Вместе с тем он заострил внимание на важности одновременного обращения к древнетюркской культуре семейных отношений с ее уважительным отношением к женщине, а также высоким почитанием матери; отметил роль науки в формировании нового человека, нового менталитета и новых идеалов; доказал неприемлемость тех европейских заимствований, которые не согласуются с культурной спецификой страны; призвал образованную часть турецкого общества быть ближе к народу и знать его жизнь и традиции, но вместе с тем трудиться над подъемом нравственной, правовой, художественно-эстетической культуры в стране.

Зия Гёкальп солидаризовался с Намыком Кемалем в том, что ислам не является препятствием для создания современного государства. Важно, однако, принимать в расчет то, что мусульманское право включает в себя как абсолютные и универсальные принципы, восходящие к Корану, так и «социальные», преломляющие собой изменения, которые происходят в обществе, в его формах и структуре. Вопрос, стало быть, в том, чтобы открыть турецким мусульманам доступ к глубинному пониманию ислама. Говоря о низком правовом статусе турчанки, Зия Гёкальп связывал начало ее порабощения с влиянием Персии и Византии на османское государство в эпоху средневековья.

Многие идеи турецких сторонников «освобождения» женщин и защиты их прав во времена Османской империи были восприняты и реализованы Мустафой Кемалем Ататюрком, первым президентом Турецкой Республики. Кемалистская политика в «женском вопросе» неизменно соотносилась с проведением реформ и культурных преобразований, нацеленных, как о том говорится в Преамбуле, дополнившей в 2001 г. Турецкую конституцию, на «процветание, духовное и материальное благополучие», на приближение страны «к стандартам мировой цивилизации в качестве уважаемого и равноправного члена всемирной семьи наций».

Являя собой интегральную часть государственно-национального строительства на лаицистской основе, решение данного вопроса включало в себя комплекс законодательных актов, благодаря которым постепенно повышался правовой статус и образовательный уровень турецких женщин. Кроме того, осуществлялись административно-организационные меры, призванные расширить для них доступ к разным сферам трудовой, общественной, экономической, политической деятельности, наконец, проводилась массовая просветительно-воспитательная работа по формированию нового образа жизни и т.д.

Эффективность правительственных усилий по формированию «новой женщины» во многом снижало то, что от политики сдерживания самостоятельных действий женских организаций кемалисты постепенно перешли к установлению фактически всеохватного контроля над их деятельностью. Кроме того, в ходе законодательного уравнивания турецких женщин в правах с мужчинами не была затронута освященная мусульманским правом асимметрия в тендерных отношениях, когда за мужчинами закреплялись главенствующее положение в семье, а также роль блюстителей семейного порядка и охранителей семейной чести.

В конечном счете, кемалистским властям оказалось не под силу вывести в 20-х – 30-х годах XX в. основную массу населения, особенно в глухих, отдаленных от центра районах, из-под влияния многовековых традиций, связанных, в частности, с отношением к статусу и роли женщины в семье, а также в обществе. Не удалось преодолеть разрыв между традиционно настроенным

сельским населением, с одной стороны, с другой – жителями крупных городов, которые включались в орбиту современного миропонимания и жизнедеятельности. Сохранялось значительное отставание образовательного уровня основной массы турецких женщин от соотечественников – мужчин.

Примечательным событием в развитии турецкой мусульманской мысли конца XX - начала XXI вв. явилось стремление ряда ее видных представителей расширить объем прав женщины посредством признания ее права на личностную автономность. Этой цели служило обращение ведущих турецких мыслителей к культурному достоянию страны. Из него извлекались сведения о доисламской культуре семейных отношений у древних тюрков. Воскрешались идеальные образы «великих женщин ислама», прославившихся своим участием в становлении исламской цивилизации. Приводились доказательства разносторонней и весьма эффективной деятельности как знатных, так и незнатных женщин Османской империи и т.д. Взятые вместе, эти примеры способствовали утверждению в общественном сознании идеи равенства мужчин и женщин перед законом, побуждали общество к признанию исторически значимой роли турецких женщин, вдохновляли самих турчанок на отстаивание своего человеческого достоинства и прав. Кроме того, наметилась тенденция соотнесения исламского подхода к правам человека с разработкой проблемы совместимости духовно-ценностных установлений ислама и перспективы демократизации государственного и общественного устройства страны.

Все это происходило и происходит в атмосфере не прекращающихся до настоящего времени в Турции споров относительно границ, разделяющих религию, политику и государство. Не остаются безразличными к этим спорам отдельные женские объединения как светской, так и происламской ориентации. Именно эти объединения и могут стать объектами социальной работы с женщинами Турции на современном этапе.

Литература

1. Kemal Kirisci. *Between Europe and The Middle East: The Transformation of Turkish Policy* // *Middle East Review of international affairs*. Volume 8, № 1 – March 2004.
2. Natalie Tocci, *Europeanization in Turkey: Trigger or Anchor for Reform?* // *South European Society and Politics*, Vol. 10, №1 (April 2005). PP.73-83.
3. Шемятенков В.Г. *Европейская интеграция*. – М., 2003.
4. *Европейский Союз на пороге XXI века: выбор стратегии развития*. – М., 2001.
5. Кунаков В.В. *Турция и ЕС: проблемы экономической интеграции*. – М., ИИИБВ, 1999.
6. Поцхверия Б.М. *Внешняя политика Турции в 60-х-начале 80-х годов XX в.* – М.: Наука, 1986.
7. Кютюкчю Мустафа. *Ислам и женщина в современной Турции (опыт философско-культурологического анализа)*. / Автореф. дис. на соиск. уч. ст. канд. филос. наук. – М., 2011.– 18с.
8. Вернет Д. *Турция, Украина: общая битва?* 17 декабря 2004 (“Le Monde”) // <http://www.inosmi.ru/translation/215749.html>
9. Baç M.M. *Turkey's Accession to the European Union: Institutional and Security Challenges* // *Perceptions*. – 2004. – №3. – P. 29-43.
10. Belke A. *Turkey in Transition to EU Membership: Pros and Cons of Integrating a Dynamic Economy* // *Perceptions*. – 2005. – №1. – P. 53-61.
11. Öniş Z. *Turkish Modernisation and Challenges for the New Europe* // *Perceptions*. – 2004. – №3. – P. 5-28.
12. Cem I. *Turkey and Europe: Looking to the Future from a Historical Perspective* // *Perceptions*. – 2000. – №2. – P. 5-10.
13. Цит.по: Mejrı M. *Turkish Membership of the EU: The Centrality of “Cultural Difference”* // *Turkey and the European Union: 2004 and beyond/ Ed. by A.Clesse and S. Taşhan*. – Luxembourg: Dutch University Press, 2004. – P.282-298.